

© 1996 г. Н.В. ПЕРЦОВ

ГРАММАТИЧЕСКОЕ И ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ В ЯЗЫКЕ

"<...> в тех случаях, когда речь идет о вопросах достаточно тонких и сложных, необходимо избегать двусмысленных терминов, а пользоваться лишь вполне точными, хотя бы их и приходилось создавать. Ведь люди сами по себе находятся под властью и м е н, и, когда их слуха достигает имя, которое им знакомо, они считают, что поняли его смысл, хотя зачастую не поняли ничего".

Из замечаний члена французской академии Шарля Дюкло к "Грамматике общей и рациональной Пор-Рояля" издания 1754 г.

В настоящей работе мы хотели бы привлечь внимание лингвистов к проблеме разграничения нескольких хорошо известных лингвистических понятий и уместного употребления соответствующих терминов. Речь пойдет о некоторых основных понятиях общей теории грамматики, относящихся к значениям. Наше изложение существенно связано с теорией морфологии И.А. Мельчука, развернутой в его фундаментальной монографии "Курс общей морфологии" ("Cours de morphologie générale"), том за томом выходящей в Издательстве Монреальского университета (помимо уже изданных томов [Mel'čuk 1993; 1994; 1996], ожидается выход еще одного или двух; русский перевод первого тома – [Мельчук 1996]). Опираясь на данную теорию в целом, мы в то же время полемизируем с ее отдельными положениями¹.

Морфологическая концепция И.А. Мельчука складывалась в течение нескольких десятилетий – начиная с рубежа 50–60-х годов. Первый ее вариант был подготовлен для публикации еще до эмиграции Мельчука в Канаду – в качестве продолжения книги [Мельчук 1974]; этому изданию не суждено было состояться. В начале 80-х годов Мельчук возобновил работу по связанному изложению своей теории морфологии на значительно более высоком концептуальном уровне (близком к дедуктивно-аксиоматическому методу точных наук) и на более развернутом и представительном иллюстративном материале; в настоящее время эта работа близка к завершению.

Автор данной статьи активно обсуждал с И.А. Мельчуком текст создаваемой им монографии – сначала в качестве коллеги-читателя в частной переписке, а затем в качестве редактора ее русского перевода (с конца 80-х годов стали уже возможны личные встречи). Отчасти этим объясняется столь существенная опора на [Mel'čuk 1993; 1994] и столь основательное заимствование как иллюстративного языкового материала в разделе III, так и критерия противопоставления словоизменения и словообразования в разделе IV. За долгие годы нашего совместного обсуждения морфологических проблем данный материал был неоднократно "пропущен" через лингвистическое сознание автора этих строк.

1. О КОНЦЕПЦИИ ГРАММАТИЧЕСКОГО КАК ОБЯЗАТЕЛЬНОГО

Концепция грамматического как обязательного является одной из популярнейших в общей теории грамматики. Возможно, она восходит еще к трудам средневековых схоластов, откуда берет свое начало известный афоризм "*Grammatica ars obligatoria*" –

¹ Содержание настоящей работы (логическая независимость понятий "словоизменительное" и "обязательное") отчасти отражено в короткой публикации [Перцов 1991].

"Грамматика есть искусство владения обязательным". В современной лингвистике данная концепция получила широкое признание более тридцати лет назад после известной статьи Р.О. Якобсона [Jakobson 1959].

Суть этой концепции сводится к следующему. Конституирующим признаком грамматических значений признается обязательность их выражения для некоторого класса языковых единиц. Грамматические значения приравниваются тем самым к словоизменительным значениям, причем в сферу словоизменения допускаются только такие формы, которые противопоставлены некоторым другим формам в рамках грамматической категории, обладающей свойством обязательности выражения для форм некоторого класса. Из этого вытекает, что изолированные значения, не входящие ни в какие грамматические категории, не могут иметь словоизменительного статуса; утверждается, что в языке не может быть одного числа, одного рода или одного падежа, что соответствующие значения обнаруживают себя только через противопоставления некоторым положительно выраженным другим значениям².

Упомянутая работа Р.О. Якобсона оказалась ключевой в развитии концепции грамматического как обязательного, однако она лишь подвела итог предшествующих исследований. Сам Якобсон отдает пальму первенства Ф. Боасу, что отражено уже в самом названии его статьи. Очерк Ф. Боаса [Boas 1938], в котором отчетливо сформулирована данная концепция, относится к 1938 году, однако и у этого очерка был предшественник: несколькими годами ранее в популярной статье о китайском языке [Maspero 1934] французский китаевед Анри Масперо отказал ему в обладании грамматическими категориями (а также частями речи) именно на том основании, что в этом языке все значения, которые могут претендовать на этот статус, выражаются факультативно и не составляют необходимых элементов языкового мышления для носителей языка³.

"Мы совершенно неспособны мыслить то или иное существительное или тот или иной глагол во фразе вне какой-либо грамматической категории – числа, времени и т.п.: существительное для нас непременно стоит в единственном или во множественном числе, глагол непременно в настоящем, прошедшем или будущем времени. Китаец же мыслит существительное и глагол вне зависимости от данных понятий: он может добавить их в качестве полезных указаний, однако они не являются необходимыми" [Maspero 1934 : 35]. "Неизменяемость слов, усугубляемая отсутствием грамматических категорий и неразличением существительных и глаголов, оказала значительное влияние на китайское мышление. В самом деле, поскольку отношения между словами во фразе маркируются только порядком слов и никогда не выражаются обязательно с помощью особых слов (при отсутствии особых форм), эти отношения никогда не представляются как необходимые для мышления китайца" [Maspero 1934 : 51].

В [Maspero 1934] идея о том, что для признания грамматичности некоторой категории требуется ее обязательность для языкового мышления, подается как очевидная; французский лингвист не считал нужным формулировать принцип обязательности отдельно и независимо от его утверждений по поводу китайского языка.

Принцип обязательности грамматического значения был фактически повторен в посмертно опубликованной в 1945 г. работе Б. Уорфа [Уорф 1972 : 45]; думается, что он был достаточно популярен в американской лингвистике 40–50-х годов⁴.

В отечественной лингвистике начиная с 60-х годов принцип обязательности грам-

² Ср. парадокс М.В. Панова " $n - (n-1) = 0$ ", состоящий в том, что если из совокупности некоторых мыслимых взаимоисключающих значений в количестве n изъять все, кроме одного, то оставшееся значение не будет грамматическим, не образует грамматической категории, т.е. число грамматических категорий окажется равным нулю [Панов 1967 : 16–17].

³ Указание на приоритет А. Масперо автор почерпнул из книги [Коротков 1968 : 34, 296].

⁴ Сошлемся, например, на вскользь брошенное замечание Ф. Хаусхолдера в рецензии на книгу П. Форчаймера (о категории лица): "О наличии категории в языке свидетельствует отнюдь не способность что-либо выражать, но неспособность оставить что-либо невыраженным" – после чего следует весьма неясное добавление: "хотя и существуют подлинные категории, являющиеся факультативными" [Householder 1955 : 94].

матического значения, впервые введенный в отечественный обиход И.А. Мельчуком в монографии четырех авторов [Ахманова и др. 1961 : 34–35]⁵, все более и более завоевывает место на страницах лингвистической литературы. Именно он положен в основу концепции грамматической категории А.А. Зализняка в книге [Зализняк 1967]. Сходные формулировки этого принципа встречаются в работах [Гухман 1968 : 55; Булыгина 1968 : 202; Общее языкознание 1972 : 209; Кацнельсон 1972 : 76; Ревзина 1973 : 5; Булыгина 1980 : 327]; в 80–90-е годы данная концепция получила поддержку у представителей следующих лингвистических поколений [Поливанова 1983; 1985; Плунгян 1988; 1992; 1994б; Маслова 1994; Сумбатова 1994].

В.А. Плунгян предпринял попытку экспликации понятия обязательности посредством введения двух свойств грамматических оппозиций – “непривативности” и “семантической неоднородности”, которые он рассматривает как следствия свойства обязательности (формулировка второго свойства основана на статьях [Поливанова 1983; 1985]). Импликация “обязательность → непривативность” представляется вполне естественной, вытекающей из общего смысла слова *обязательный*. В самом деле, обязательность некоторого набора значений для определенного класса объектов действительно предполагает непривативность соответствующих оппозиций, а именно – наличие у каждого из членов таких оппозиций положительных значений некоторых признаков, т.е. значений, для задания которых допускаются формулировки типа “указание на свойство *P*”, “указание на *не-P*” и т.п., но не допускаются формулировки типа “*не-указание на P*”, т.е. “отсутствие каких-либо указаний относительно *P* или *не-P*” (имеются в виду разные типы оппозиций, указанные Р.О. Якобсоном – [Якобсон 1972 : 102–103]). Возражение вызывает не сама импликация, а собственно категоричный тезис о непременно обязательном (а тем самым и непривативном) характере словоизменительных значений как класса.

Что касается тезиса о неперменной семантической неоднородности номинативных (семантически наполненных) словоизменительных категорий, то и он выглядит слишком категоричным и радикальным. Говорится о том, что номинативная категория принудительным для говорящего образом членит действительность (или ее фрагмент) и тем самым вынуждает его непременно выражать какое-то значение данной категории и в случаях несущественности или неопределенности выбора: поэтому для такой категории должны существовать не только собственно семантические ядерные правила выбора ее граммем, но и более сложно устроенные правила – учитывающие разнородные семантические факторы или условные, ориентированные на “автоматическое”, чисто синтаксическое, употребление грамлеммы. Пожалуй, можно согласиться с тем, что такая ситуация наиболее типологически вероятна и естественна для номинативной категории, но мы не видим оснований превращать данную “фреквенталию” в “универсалию”. Можно представить себе номинативную категорию, устроенную следующим образом: в нее входят некоторые “положительно заданные”, четко формулируемые значения (“*ти₁*”) и еще одно значение “*ти₀*”, которое также имеет положительную семантическую “нагрузку”, но выбирается и в случаях несущественности или неопределенности выбора по соответствующему признаку. Правила выбора соответствующих граммем будут иметь довольно простое и ясное устройство, и семантической неоднородности в таком (пока гипотетическом) случае усматривать не хотелось бы. Если же принять во внимание необязательные номинативные словоизменительные значения (о чем см. ниже), то для них условие “семантической неоднородности” тем более не обязано выполняться, ср., например, квазиграммему аудивия в ненецком языке (пример (4) в разделе III ниже), правило выбора которой формулируется предельно четко: “говорящий слышит то, о чем сообщает, и указывает на это”.

В статье [Маслова 1994] подвергается пересмотру и уточнению формулировка обязательности значения, данная А.А. Зализняком [Зализняк 1967] (при этом также принимается трактовка словоизменительных значений как строго обязательных). Намеченное Е.С. Масловой различение разных “степеней” обязательности с точки зрения ее “силы” представляется плодотворным: “сильная обязательность” охватывает более широкие классы словоформ и носит более “безусловный” характер, нежели “слабая обязательность” (скажем, число и падеж для русского прилагательного “сильнее” обязательны, чем его род, поскольку последний проявляется только в единственном числе). Однако следует сказать, что уточнения Е.С. Масловой не приводят к логически четкому пониманию обязательности и не всегда отвечают интуитивному представлению об обязательности значений для некоторых классов словоформ. Например, хотим ли мы считать набор значений {‘дминутив’, ‘аугментив’} обязательным для пар словоформ *домик* – *домище*, *слоник* – *слонище*, *лапка* – *лапища* и т.п.? Пожалуй, да. Тогда хотелось бы исключить данный класс из числа тех, к которым применимо свойство обязательности (чтобы не было соблазна съесть указанные

⁵ Как станет ясно из дальнейшего, в современном варианте своей теории Мельчук отказался от радикальной формулировки данного принципа.

значения словоизменительными). Маслова предлагает соответствующее ограничение на класс словоформ **К**, относительно которого можно вообще говорить об обязательности: "все словоформы, включающие один из входящих в оппозицию показателей, а также те, которые отличаются от них только отсутствием этих показателей" [Маслова 1994 : 46]. Здесь не ясен статус второй половины ограничения, начинающейся со слов "а также те": о б я з а н ы и л и м о г у т в о й д и т ь с л о в о ф о р м ы б е з т а к и х п о к а з а т е л е й в к л а с с е **К**? По сути дела представляется, что верно второе. Но тогда указанный выше класс русских существительных попадает в число допустимых с точки зрения обязательности классов. (Несмотря на предпринятые усилия, автору настоящей работы не удалось уяснить ряд предложений Е.С. Масловой – возможно, вследствие нечеткости и конспективности изложения, отсутствия необходимых разъяснений в ряде случаев и недостаточности иллюстративного языкового материала.)

Приходится констатировать, что ясная логическая экспликация обязательности в лингвистике еще не достигнута. И.А. Мельчук формулирует – в определении словоизменительной категории [Mel'čuk 1993 : 263] – свойство обязательности не как обязательность д л я класса знаков, а как обязательность п р и знаках определенного класса (стратегия экспликации обязательности Мельчука может быть названа "синтагматической" – в отличие от более распространенной "парадигматической" стратегии, принятой Зализняком и другими лингвистами). Но что означает тот факт, что некоторое значение 'm' обязательно выражается при знаке s"? По-видимому, это следует интерпретировать так: любое выражение, содержащее знак s (в частности, любой языковой знак, содержащий s), непременно передает значение 'm'. Но тогда такие очевидно обязательные словоизменительные значения, как русские падежные граммемы, лишаются этого свойства: ср., например, такие пары, как *грунт – грунтовать*, *цинк – цинковать* и т.п., второй член которых содержит в качестве исходной основы первый и при этом вовсе не обязан выражать падеж (возможный только в причастиях *грунтовой*, *цинкованный* и т.п.).

Параллельно указанной линии грамматических исследований многими исследователями давно было замечено, что факты словоизменения ряда языков, в особенности изолирующих и агглютинативных, противоречат принципу обязательности грамматического значения. В отечественной лингвистической литературе такие факты были отмечены начиная с середины 60-х годов (преимущественно в работах по грамматике восточных языков) – см. [Коротков, Панфилов 1965 : 39, 44; Яхонтов 1965 : 95–96] (для китайского языка, в частности, отмечался словоизменительный и при этом не обязательный характер показателя "коллективной множественности" – *мэнь*). В 70–80-е годы убедительные свидетельства против концепции обязательности грамматического значения, почерпнутые из материала тюркских языков, приводились в работах [Гузов, Насилов 1975; 1981; Гузов 1987] (в частности, для ряда тюркских языков указывалась возможность функционирования существительного "вне категории числа, принадлежности, падежа" – при словоизменительном статусе этих категорий, [Гузов, Насилов 1981 : 32]). В программной статье семи авторов [Солнцев и др. 1979 : 9] читаем:

"В современной теоретической лингвистике широко распространено понимание грамматического как обязательного. В то же время многие грамматические категории восточных языков не обладают той строгой обязательностью, которая свойственна большинству грамматических категорий европейских языков".

Возражения против концепции обязательности грамматического значения выдвигались в двух книгах по общей лингвистике В.Б. Касевича [Касевич 1977; 1988]:

"Большой интерес представляет концепция, согласно которой в качестве грамматического выступает значение обязательное – обязательное в том смысле, что оно выражается всякий раз, когда употребляется слово данного класса... Указанная концепция, однако, плохо согласуется с фактами многих восточных языков, в частности языков Китая и Юго-Восточной Азии. В этих языках обычные случаи, когда употребление той или иной морфемы, грамматичность которой не вызывает сомнений, не является обязательным" [Касевич 1977 : 55–56]. "По-видимому, в настоящее время придется ограничиться признанием того, что грамматические значения т я г о т е ю т к обязательному выражению" [Касевич 1988 : 141].

"«Нейтральная» словарная форма выступает как неохарактеризованная с точки зрения данной грамматической категории <...> в определенных условиях, в тех или иных контекстах такая форма способна как бы принимать значение любой из противопоставленных ей "нейтральных" форм, или, вернее, наличие словарной формы не препятствует основной на контексте семантической интерпретации высказывания, включающей значения "нейтральных" форм» [Касевич 1988 : 181].

Представляется, что одних приведенных выше цитат достаточно, чтобы отказаться от принципа обязательности грамматического значения, взятого в чистом виде. Однако, как ни были убедительны упомянутые свидетельства специалистов по языкам, далеко отстоящим от "среднеевропейского стандарта" (Б.Л. Уорф), концепция грамматического как обязательного проявляет удивительную жизнеспособность: лингвисты нередко ссылаются на нее как на общее положение, едва ли не трюизм. Например, в недавнем вышедшем учебнике [Шайкевич 1995 : 94–95] свойство обязательности – наряду со свойством регулярности различения грамматических значений – признается конституирующим для грамматической категории. Примечательно, что эта концепция отражена в морфологическом разделе нового учебника по русскому языку для 6-го класса, подготовленного авторским коллективом под редакцией М.В. Панова (находится в печати – осень 1995 г.): "Грамматические значения – это значения, которые обязательно должны быть выражены в предложении"; "Каждая грамматическая форма обязательно противопоставлена по своему значению какой-либо другой форме или нескольким формам"; "Без противопоставления не может быть грамматической формы" [Булатова 1995].

Ниже, в разделе III, мы постараемся показать, что против рассматриваемой концепции свидетельствуют не только данные ряда далеких от "среднеевропейского стандарта" языков, но и некоторые явления хорошо изученных европейских, в том числе и русского. Однако сначала мы рассмотрим противопоставление грамматического и неграмматического в языке в общем виде.

II. ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОГО И НЕГРАММАТИЧЕСКОГО В ЯЗЫКЕ

При обсуждении противопоставления грамматического и неграмматического в лингвистической литературе нередко высказываются противоречивые в своей основе взгляды. Это проявляется, например, в общепринятом употреблении термина **грамматическая категория**, применяемого для обозначения понятий, относящихся либо к сфере словоизменительных значений, либо к наборам классов слов типа рода или именного класса, называемым "классифицирующими грамматическими категориями" [Зализняк 1967 : 31; Шайкевич 1995 : 93–95, 101]. Тем самым, прилагательное **грамматическая** в составе этого термина приобретает узкую интерпретацию.

В трактовке рассматриваемого противопоставления мы следуем точке зрения, принятой в монографии И.А. Мельчука [Mel'čuk 1993], где грамматическое понимается как охватывающее общие явления и закономерности языка, противопоставляемые его частным, лексическим, фактам, находящим отражение в слове. Указанное противопоставление в точности параллельно противопоставлению грамматики и лексики, взятому в его общеизвестной традиционной трактовке. Такой взгляд ни в коей мере не оригинален – достаточно сослаться на высказывания О. Эсперсена ("Грамматика имеет дело с общими фактами языка, а лексика – с единичными" [Эсперсен 1958]) или Ж. Кантино ("... грамматика вбирает в себя то, что в языке организовано, и эта организация покоится на симметричных рядах, каковыми являются серии пропорциональных оппозиций. Напротив, лексика формируется за счет изолированных оппозиций" [Кантино 1972 : 79]). Именно так понимает различие между грамматикой и лексикой Т.В. Булыгина – в главе "Грамматика" из книги [Общее языкознание 1972]. В статье [Булыгина 1980 : 322–323] говорится об узком и широком толковании понятия "грамматическое": первое охватывает только значения морфологических средств языка, а второе – "все то, что не принадлежит только словарю"; в работе указывается, что традиция отдает предпочтение широкому пониманию грамматических значений и категорий, к которому присоединяется и автор.

Мы остановились на проблеме возможных трактовок противопоставления грамматического и неграмматического лишь потому, что в лингвистической практике область грамматического часто неоправданно сужается и сводится к словоизменению. Как уже

было отмечено выше, это наиболее явно отражено в понимании термина **грамматическая категория**. Снова сошлемся на книгу [Шайкевич 1995 : 70, 77, 94], где, с одной стороны, к грамматике относятся "регулярные и общие черты устройства лингвистических знаков и их поведения", а к лексике – "конкретные лингвистические знаки"; с другой стороны, понятия грамматического значения и грамматической категории закрепляются только за словоизменением и "семантизированными именными классами" слов. Из других относительно недавних работ укажем [Плунгян 1992 : 27], где в оправдание принятого терминологического отождествления понятий "**грамматическое и словоизменительное**" (причем возможность широкого понимания термина грамматика специально отмечается) автор ссылается на существование термина **грамматическая категория**, который "неизбежно предполагает другое, более узкое понимание грамматики: то, что относится к обязательно выражаемым значениям". Автор здесь не последователен, предпочитая то, что предполагается одним, пусть и общепринятым, термином, тому, что освящено давней традицией. Впрочем, такая непоследовательность свойственна самим терминам **грамматическая категория** и **граммема**, связанным с обязательными значениями, но по форме соотносящимся с понятием **грамматика**, охватывающим гораздо более широкий круг явлений. Вместо первого термина мы используем – вслед за Мельчуком – термин **словоизменительная категория**, но также не решаемся на кардинальное терминологическое новшество и существенный разрыв с традицией – на замену **граммемы** чем-либо более логичным – например, "флексионоймой" (ср. [Mel'čuk 1995 : 264–265]).

Мы видим, что нередко исследователи как будто не замечают того очевидного обстоятельства, что при широком понимании грамматического к нему никоим образом не приложим принцип обязательности выражения грамматических значений. Широкое понимание грамматического охватывает не только факты словоизменения и словообразования, не только морфологическую структуру слова, но и другие явления, выпадающие под ведение грамматики – синтаксические конструкции и их значения, явления коммуникативной организации предложения, просодические явления, распространяющиеся на синтаксические группы и предложения (интонационные контуры) и др. [Булыгина 1980 : 323].

III. ЯЗЫКОВОЙ МАТЕРИАЛ

Мы приведем несколько примеров из разных языков (в пунктах (1) – (8)), свидетельствующих о том, что концепция обязательности словоизменительных значений в ее категоричном варианте должна быть подвергнута сомнению. Большинство приводимых примеров заимствовано из монографии [Mel'čuk 1993; 1994], в которой для отражения возможности необязательного статуса у словоизменительного значения было предложено особое понятие – понятие **квазиграммема**, под которой понимается грамматическое значение, во всем сходное с типичными словоизменительными значениями, за исключением свойства обязательности. Мельчук не решился придать этому понятию и термину столь же прочный теоретический статус, какой имеют такие общепризнанные понятия, как грамматическая категория и граммема; понятие и термин квазиграммема вводятся Мельчуком с рядом оговорок относительно его неясного характера. Нам представляется, что изолированным словоизменительным значениям, не входящим ни в какие обязательные категории, уже давно пора найти достойное место в сознании лингвистов-теоретиков и на страницах лингвистической литературы.

Интересный пример необязательности серии значений из чукотского языка приводится в статье [Муравьева 1994 : 43]. Показатель значения из локативной серии ('в', 'на', 'под' и др.) при существительном может отсутствовать, однако ряд черт чукотских локативных суффиксов – регулярность, широкая сочетаемость с субстантивными основами, семантическая аддитивность – свидетельствуют скорее в пользу их словоизменительного статуса; аргументы против – необязательность, относительно малая связь с

синтаксисом. Прибегая для характеристики подобных локативных значений к "квазисловоизменительным" понятиям Мельчука, автор – наш взгляд удачно и правомерно – обобщает данный фрагмент его концептуально-терминологической системы, используя понятие **квазиграмматическая категория** (которое все же более логично было бы назвать **квазисловоизменительная категория**). Этот пример демонстрирует возможность естественного расширения понятия категории за счет необязательных наборов языковых значений и расширения сферы словоизменения вообще.

Каждый нумерованный пункт настоящего раздела начинается с названия языка и заключаемого в марровские кавычки имени грамматического значения, которое, с нашей точки зрения, имеет в соответствующем языке словоизменительный статус и при этом является изолированным (необязательным), т.е. является квазиграммемой.

(1) *Болгарский, 'определенность'* [Mel'čuk 1994 : 119]

В болгарском языке определенность существительных маркируется суффиксальным артиклем **-ът/-та/-то/-те** (в зависимости от рода и числа): *магазин ~ магазинът, база ~ базата, блюдо ~ блюдото, очи ~ очите*; если существительное определяется прилагательным, суффикс определенности присоединяется к последнему (хотя характеризует референт существительного): *вкусното блюдо, сините очи* (а не **вкусно блюдото, *сини очите*). Словоформы *блюдо, очи*, взятые отдельно от контекста, не выражают значение 'неопределенность': они вообще нейтральны по отношению к данной семантической оппозиции; контекст наделяет их каким-либо из значений этой последней. Тем самым, нельзя говорить и об обязательности данной оппозиции для болгарского существительного; однако очевидно, что противопоставленные пары словоформ приведенных выше типов содержат элементы одних и тех же лексем. Остается признать, что значение 'определенность' болгарского существительного является словоизменительным и при этом не входит в словоизменительную категорию.

Мы расходимся с И.А. Мельчуком в трактовке указанных болгарских оппозиций: Мельчук усматривает в них противопоставление значений категории определенности – 'не-определенность' ~ 'определенность' (причем проводит различие между 'не-определенностью' – non-défini' и 'неопределенностью' – indéfini'). В свете проведенного выше семантического анализа первый член этой оппозиции следует трактовать как 'отсутствие указания на определенность (или на не-определенность)'. Нам представляется, что само задание некоего гипотетического значения в виде 'отсутствие указания на X, противопоставленное 'X-y'', не вполне корректно: оно как раз и свидетельствует против наличия здесь какого-либо маркированного значения. Иначе почему бы тогда не видеть в составе означаемого словоформы *дом* значение 'отсутствие уменьшительности / увеличительности' – на фоне форм *домик* и *домище*?

(2) *Венгерский, 'потенциалис'* [Mel'čuk 1993 : 302]

Рассмотрим пары венгерских глагольных форм, противопоставленных по отсутствию / наличию суффикса потенциалиса:

olvas+om 'читаю' ~ *olvas+hat+om* 'могу читать'

olvas+ni 'читать' ~ *olvas+hat+ni* 'мочь читать'

lak 'жить' ~ *lak+hat* 'мочь жить'

Противопоставления носят абсолютно регулярный характер, значение потенциалиса, передаваемое суффиксами *-hat/-het* (дополнительно распределенными), очевидным образом не является обязательным (не входит в какую-либо категорию).

(3) *Эстонский, 'цитатив'* [Mel'čuk 1994 : 168]

Mägi tööta + *b* *kolhoosis*

Мяги работать ИНД.НАСТ.ЗЕД колхоз-ИНЭСС

'Мяги работает в колхозе'.

Mägi tööta + vat kolhoosis

ЦИТ.

‘Говорят, что Мяги работает в колхозе’.

Суффикс цитатива *-vat* [описание сообщаемого факта с чужих слов] не выводит глагольную форму из состава соответствующей глагольной лексемы, т.е. носит слово-изменительный характер; при этом ни о какой обязательности выражения цитатива здесь говорить не приходится.

(4) Ненецкий, ‘аудитив’ [Mel’čuk 1994 : 169]

T’ikoxõna to + von + do? ‘Они, я слышу, пришли сюда’.

сюда прийти АУД ЗМН

I? tupo? + mon + da ‘Вода, я слышу, журчит’.

вода журчать АУД ЗЕД

(5) Грузинский, ‘эмфаза’ [Mel’čuk 1994 : 291]

В грузинском языке в большинстве случаев присоединение к форме существительного элемента *-a* диктуется стилистическими факторами и выражает эмфатическое выделение соответствующей именной группы. В двух типах конструкций такое выделение обязательно:

– после приименного постпозитивного генитива:

dadgenileba gamgeob + is + a ‘приказ департамента’

приказ департамент ГЕН ЭМФ

– перед союзом *da* ‘и’:

amxanag + s + a da megobar + s ‘товарищу и другу’

товарищ ДАТ ЭМФ и друг ДАТ

Формы на *-a* принадлежат тем же лексемам, что и лишённые этого элемента словоформы, однако вряд ли целесообразно считать, что эти последние содержат после показателя падежа специальный нулевой суффикс, противопоставляющий их эмфатическим партнерам. Если с этим согласиться, то значение этого суффикса – квазиграммама.

(6) Абхазский, ‘трансформатив’ [Mel’čuk 1994 : 290–291]

Существительные в абхазском языке не имеют падежей, однако существует особая трансформативная форма со значением ‘в качестве’, ‘рассматриваемый как’, ‘превращающийся в’, выражаемым суффиксом *-s*:

x’ətʒʉə ‘стыд’ ~ *x’ətʒʉə+s* ‘[полагать / становиться] стыдом’

zɛ’aara+k’a ‘вопросы’ ~ *zɛ’aara+k’a+s* ‘[иметь] в качестве вопросов’

eš’a ‘брат’ ~ *eš’a+s* ‘в качестве брата’

(7) Английский, ‘посессив’

Значение, передаваемое формами зависимых существительных в посессивных конструкциях типа *a boy’s bicycle*, *an oxen’s grass*, *a month’s delay* и т.п., нередко трактуется как значение особого падежа – притяжательного (или посессивного). Между тем, как показал И.А. Мельчук [Mel’čuk 1988 : 48–52; 1993: 393–394], противопоставление непосессивных и посессивных форм английского существительного отличается от того, что понимается под категорией падежа в общей теории грамматики, и от обычных падежных противопоставлений в языках – и вообще не составляет обязательной

категории. Сжато суммируем аргументы Мельчука в пользу того, что значение посессива, выражаемое формантом *-s* (с вариантами */s/, /z/, /ɪz/*), не противопоставлено никакому другому "положительному" значению (скажем, значению 'не-посессив') и не входит в словоизменительную категорию, обязательную для английского существительного. Показатель посессива очень сильно отличается по своему поведению от показателей нормальных английских граммем: 1) он может удаляться от своего непосредственного ориентира, присоединяясь как бы к синтаксической группе в целом – *somebody else's business*⁶; 2) может сочетаться с другим словоизменительным показателем – показателем числа, ср. *oxen's, women's*; 3) не вызывает озвончения предшествующей глухой согласной – *my wife's [waifs] friends*; 4) маркирует зависимый член особой синтаксической конструкции. При этом английский посессив по целому ряду свойств отличается от английских дериватов: регулярность, сугубо абстрактное значение, тесная связь с синтаксисом, неподверженность слиянию с лексическим значением, (почти) полная неподверженность фразеологизации, возможность следования после показателя граммемы (числа), невозможность повторного вхождения в словоформу – см. критерии **K1, K3, K5, K7, K8, K9, K10** соответственно в разделе IV ниже; кроме того, показатель посессива может состоять ровно из одной согласной, что совершенно нетипично для показателей английских дериватов. Поэтому его естественно оставить в сфере словоизменения – это показатель квазиграммемы.

(8) Русский

Представляется, что квазиграммемы обнаруживают себя и в нашем языке.

А. Значение, передаваемое элементом *-ка* (*иди-ка, спойте-ка, возьмем-ка, сяду-ка, пошел-ка [ты отсюда]*).

Если применить к данному элементу критерии принадлежности языковой единицы к классу слов, упоминаемые в литературе, то окажется, что он ни по одному из этих критериев не может быть отнесен к словам. Детальная аргументация против лексического статуса элемента *-ка* приведена нами в работе [Перцов 1996], опирающейся на критерии выделения слова, эксплицитно сформулированные в монографии [Mel'čuk 1993] и названные в ней "критерии слабой автономности". Здесь мы ограничимся беглым обзором наших аргументов в пользу аффиксального статуса элемента *-ка*. Этот элемент 1) не может быть отделен от своего "ориентира" – формы, к которой он присоединяется, – никаким другим элементом, имеющим явно независимый – "словесный" – статус; 2) присоединяется к узкому кругу глагольных форм (к ограниченной части глагольной парадигмы); 3) не может быть переставлен относительно ориентира; 4) не может быть перемещен от ориентира к какому-либо другому элементу фразы. (Дополнительные аргументы: 5) не вступает в отдельные синтаксические связи; 6) не присоединяет к себе особых словоизменительных элементов.)

Если согласиться с тем, что *-ка* не есть словоформа, то тогда это аффикс, причем аффикс словоизменительный, поскольку в противном случае – при трактовке его как словообразовательной единицы – для каждой глагольной лексемы пришлось бы усматривать производную – "фамильярную" – лексему. Словоизменительное значение, передаваемое аффиксом *-ка*, не противопоставлено никакому другому словоизмени-

⁶ На этом основании (способность отделяться от знака-ориентира) элементу *-s* иногда вообще отказывают в аффиксальном статусе, относя его к словоформам-клитикам [Общее языкознание 1972 : 221; Плунгян 1994а : 52]. Думается, что критерий неотделимости аффикса, отрицательно используемый в данном случае, применяется здесь чересчур ригористично: аффикс может обладать ограниченной отделимостью, ср. немецкие и венгерские отделяемые префиксы; польские личные показатели, которые в случае прошедшего времени глагола и наличия в начале предложения определенных слов способны перемещаться к этим последним; русские элементы *кое-* или *ни-* в выражениях *кое к кому*, *ни с кем* или даже некоторые префиксы (*не то перекоржили, не то недо-* – пример из [Плунгян 1994а : 52]).

тельному значению: означаемое формы *иди-ка* отличается от означаемого формы *иди* добавочным компонентом, привносимым суффиксом (т.е. как раз в рамках привативной оппозиции). Тем самым, это словоизменительное значение не принадлежит никакой словоизменительной категории; т.е. является квазиграммемой.

Б. На статус квазиграммем могли бы претендовать еще следующие грамматические значения русского языка:

- сравнительная степень прилагательного и наречия. Это значение иногда относится к сфере словообразования⁷ – в противоречие традиционной точке зрения академических грамматик (тогда получается, что каждая лексема качественного прилагательного имеет производную "компаративную" лексему). Другая возможная (более близкая к традиционной) трактовка, которую мы предпочитаем, предполагает, что формы "положительной степени" – типа *тяжелый* – вообще лишены маркировки по признаку степени качества признака⁸, а формы типа *тяжелее* выражают квазиграммему 'компаратив';

- адвербиальная репрезентация прилагательного. Имеются в виду наречия типа *смело, дружески*, противопоставленные соответствующим прилагательным. Если (как иногда предлагается) относить такие наречия к словоизменению, в них также можно усматривать квазиграммему 'адвербиатив';

- "аттенуативное" значение, выражаемое формами типа *поважнее*, противопоставленными формам типа *важнее* ("смягченная" сравнительная степень, ср. [Исаченко 1954 : 275–276]).

IV. ВОЗМОЖНАЯ СТРАТЕГИЯ ЭКСПЛИКАЦИИ ПОНЯТИЙ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Как уже говорилось выше, различие этих понятий часто связывается со свойством обязательности, которое при этом считается необходимым или крайне существенным для словоизменительных значений. Как мы надеемся, приведенный выше теоретический и иллюстративно-языковой материал свидетельствует против столь жесткого и категоричного подхода. Тогда возникает вопрос: на каком конституирующем свойстве или свойствах может быть основана оппозиция обсуждаемых ключевых понятий теории грамматики?

Здесь мы снова обращаемся к грамматической концепции И.А. Мельчука, к книге [Mel'čuk 1993]. В ней словоизменение также эксплицируется с существенной опорой на понятие обязательности: словоизменительное – это все же почти всегда обязательное, квазиграммемы – это маргинальная, не характеристическая область словоизменения, а словообразовательные значения – дериватемы – отличаются от словоизменительных в общем и целом по признаку обязательности / необязательности. В экспликациях понятий квазиграммемы и дериватемы Мельчук существенно опирается на "квазилогическое" понятие 'сходство', входящее в совокупность базовых для его концептуальной системы понятий, не указывая в данном случае тех критериев, по которым

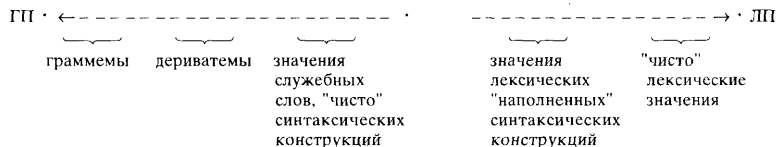
⁷ Такая трактовка компаратива восходит еще к книге [Исаченко 1954 : 26–29], аргументы в которой – наличие случаев супплетивизма, отсутствие рода, числа и падежа, различные морфонологические чередования при образовании компаратива – не представляются убедительными, поскольку аналогичными свойствами могут обладать бесспорные грамлеммы. Аргументы "от семантики" приводятся в [Пеньковский 1977]. Любопытно, что в словаре [Зализняк 1977 : 6] – при теоретическом отнесении компаратива в сферу словообразования (впрочем, без аргументации) – практически информация о его образовании включена в словарные статьи прилагательных. Отметим также поддержку словообразовательного статуса компаратива в работах [Поливанова 1990 : 54, 59] и [Плунгян 1994б : 153], где убедительных аргументов не обнаруживается.

⁸ Признание у формы *тяжелый* значения 'позитив' приводит к противоречию между ним и общим значением компаратива в сочетании *более тяжелый* (справедливости ради следует сказать, что этот аргумент решающей силы не имеет: подобные отношения встречаются в сфере аналитических форм).

устанавливается сходство языковых единиц. Думается, он не вполне последователен при построении данного фрагмента своей системы.

Дав определения трем понятиям – словоизменительное значение, квазиграммема и дериватема, И.А. Мельчук рассматривает далее семь различий, обычно характеризующих словоизменительные и словообразовательные значения [Mel'čuk 1993 : 294–298]. Подобное "многофакторное" представление различий между этими двумя классами грамматических значений проводится также в работах [Dressler 1989] и [Plank 1991]. В работе В. Дресслера предлагается 20 "критериев разграничения словоизменительной морфологии и словообразовательной морфологии", а в работе Ф. Планка – 28 "элементарных различий" словоизменения и словообразования (или "критериев субклассификации морфологических категорий").

Именно эти различия, указываемые в упомянутых работах И.А. Мельчука, В. Дресслера и Ф. Планка, – вместе с некоторыми дополнительными – мы хотели бы положить в общую основу противопоставления словоизменительных и словообразовательных значений (тем самым, совокупность тех свойств языковых значений, которые Мельчук считает как бы следствием его определений граммем, квазиграммем и дериватем, мы считаем целесообразным положить в основание экспликации этих трех понятий). Мы предлагаем шкалировать различия между этими явлениями, располагая их на шкалах между двумя полюсами (разумеется, с включением самих полюсов) – чисто грамматическим (ГП – грамматический полюс) и чисто лексическим (ЛП – лексический полюс):

Противопоставление словоизменения и словообразования тем самым как бы вкладывается в более общую шкалу, отражающую фундаментальную оппозицию естественного языка – оппозицию грамматического и лексического.

Мы отдаем себе отчет в условности изображенной схемы, в том, что она не исчерпывает всего инвентаря типов языковых значений; она носит сугубо иллюстративный характер и лишь намечает различия между значениями. В частности, области указанных здесь типов значений, ограниченные акколадами, могут, вероятно, перекрываться; реальная картина в языке во много крат сложнее. Тем не менее, даже в упрощенном виде данная схема, как мы надеемся, иллюстрирует принцип градуального размещения языковых значений на шкалах "грамматичности – лексичности", соответствующих определенным признакам, которые ниже будут перечислены. Из этой схемы видно, что словоизменительные и словообразовательные значения тяготеют к чисто грамматическому полюсу, однако вторые дальше от него, нежели первые, по преимуществу находящиеся непосредственно на этом полюсе (повидимому, и среди граммем могут быть более или менее "грамматичные"; так, множественное число в русском императиве, выражаемое суффиксом *-те*, будучи граммемой, располагается, пожалуй, несколько дальше от полюса чистой грамматичности, чем, например, сама граммема императива). На полюсе чистой лексичности находятся лексические значения, выражаемые полнозначными словами. Что касается синтаксических конструкций, то между ними тоже могут быть усмотрены различия с точки зрения намеченной шкалы. Например, конструкции с согласованием типа "подлежащее + сказуемое", "прилагательное + существительное", относимые к "чисто" синтаксическим, тяготеют скорее к грамматическому полюсу, занимая на шкале позицию левее середины; такие конструкции, как "глагол + обстоятельство", "существительное + предложная группа" (*дом на углу*), естественно поместить на шкале правее первых; справа от последней группы и при этом правее середины шкалы

располагаются такие "лексически нагруженные" конструкции, как аппроксимативно-количественная (*дней пять*) или уступительно-модальная (*Сказать-то он сказал, ...*).

Фактически мы имеем дело не с одной жесткой шкалой, а с целым их набором – в соответствии с признаками языковых значений, релевантными для установления их статуса.

Признаки, или критерии, выделяемые в упомянутых работах И.А. Мельчука, В. Дресслера и Ф. Планка, разумеется, существенно пересекаются. Наиболее объемный и полный набор признаков у Ф. Планка – 28, однако и у него есть упущения, например, в его перечне не учтены критерии **K4** и **K7** из числа перечисляемых ниже ("Объем сочетаемости" и "Совмещение с лексическим значением" соответственно).

Ниже приводятся и комментируются те признаки-критерии противопоставления лексического и грамматического, которые представляются нам наиболее существенными; таковых оказалось 11 (**K1** – **K11**). К их числу присоединены еще два дополнительных, имеющих характер метакритериев по отношению к основному перечню (**MK1** и **MK2**). (По ходу изложения приводятся и комментируются некоторые критерии Ф. Планка.) Далее, в целях создания более объемного фона для рассмотрения оппозиций языковых значений, бегло перечисляются те критерии из [Plank 1991] и [Dressler 1989], которые оказались вне нашего основного перечня. Критерии Ф. Планка и В. Дресслера обозначаются буквами "П" и "Д" соответственно с номером критерия, взятого из соответствующей работы.

Отступление. Подвижность и размытость границ между словоизменением и словообразованием отмечается в книге [Демьянков 1994 : 93], в которой значительный объем текста отведен обзору современных (преимущественно зарубежных) морфологических концепций. В частности, в ней указываются различные встречающиеся в литературе критерии установления этих границ: на с. 91 – шесть критериев В. Дресслера из [Dressler 1987], а на с. 93–96 (в разделе "Критерии различения") – еще 10 других. Из книги В.З. Демьянкова в настоящей работе заимствуется "метакритерий" Дж. Байби (прим. 13, с. 56) и еще один критерий В. Дресслера (см. ниже с. 57). К сожалению, формулировки автора отличаются лаконичностью, идущим подчас в ущерб пониманию и эксплицитности; непонятно, скажем, как интерпретировать такой критерий: "Грамматикализованность: словоизменение более грамматикализовано, чем деривация" (с. 94).

К книге [Демьянков 1994] можно отнести и ряд других критических замечаний и вопросов. Почему вместо удобных терминов *морфологический анализ*, *морфологическая модель*, *морфологический процессор*, принятых в компьютерной лингвистике и освященных уже хорошей традицией, автор обращается к термину *морфологическая интерпретация* (вынесенному даже в заглавие)? (Ссылка на аналогию с интерпретацией в программистском понимании – с. 145 – несколько не убеждает.). Само понимание морфологической интерпретации в книге дано нечетко и размыто: на протяжении двух страниц (45–46) оно меняется от того, что естественно называть морфологическим анализом, до мало понятного "двустороннего соотношения заглавного и реального (текстового) лексических представлений", а на с. 143 оно охватывает "морфологический анализ и синтез" (последнее – в противоречие с обыденным пониманием слова *интерпретация* – "истолкование", которое, впрочем, в книге тоже упоминается).

Вообще, обращение автора с морфологической терминологией иногда оставляет странное впечатление. Несколько примеров. Понятие "производность" применено не только к словообразовательным дериватам, но и к формам словоизменения (с. 66). Разрывные морфы в семитских языках относятся в разряд супрафиксов (с. 68); супрафиксы – это супraseгментные единицы, о чем говорит сама внутренняя структура термина, а разрывные семитские морфы принято называть трансфиксами; если автору известно другое понимание термина *супрафикс*, уместен хотя бы минимальный комментарий. При изложении концепции, "естественной морфологии" приравниваются нулевая аффиксация и конверсия (с. 71), что для отечественного читателя выглядит в высшей степени необычно; если такое приравнивание свойственно данной концепции (позволительно в этом усомниться), следовало бы и здесь дать необходимый комментарий. Граммемами автор называет как словоизменительные категории, так и их значения (с. 173); в теории грамматики принято второе понимание.

Разработанная автором "экспертная система морфологических знаний" изложена конспективно и неясно; отсутствуют сведения о параметрах ее компьютерной реализации – языке (языках) программирования, компьютерной среде, скорости работы и т.п.

При некоторых признаках основного перечня мы указываем отдельные примеры языковых явлений, нарушающих общие закономерности (граммемы, обладающие

скорее второй – "лексической" – характеристикой по данному признаку, или дериватами, обладающие скорее первой – "грамматической" – характеристикой). Эти примеры призваны показать относительность шкал, необходимость учета в с ей совокупности разнородных факторов и их относительного "веса" при установлении "суммарного" статуса соответствующего языкового значения. Не утверждается, что предлагаемый перечень признаков исчерпывает все критерии, применяемые для разграничения грамматического и лексического вообще и словоизменения и словообразования в частности. Для нас важен не столько исчерпывающий объем набора признаков, сколько сам принцип многофакторной экспликации лингвистических понятий.

Учитывая поисковый, не вполне определенный и далеко не формальный характер процедур, устанавливающих наличие признаков языковых значений (т.е. расположение языковых значений на шкале соответствующего признака), эти признаки можно назвать так:

ЭВРИСТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО И ЛЕКСИЧЕСКОГО В ЯЗЫКЕ

1. Основной перечень критериев

K1. Большая / меньшая степень регулярности.

Под данным заголовком объединены фактически три "подкритерия" (в соответствии с составным характером регулярности, отраженным в определении словоизменительной категории в [Mel'čuk 1993 : 263]):

– (**K1a**) Композиционность (или семантическая аддитивность):

значение 'm' композиционно = результат присоединения 'm' к значениям-ориентирам может быть "вычислен" по достаточно общим и строгим правилам⁹.

– (**K1b**) Стандартность:

значение 'm' стандартно = для 'm' имеется достаточно ограниченный набор выражающих его показателей, распределение которых подчиняется достаточно общим правилам.

– (**K1в**) Свобода сочетаемости:

значение 'm' свободно присоединяется к некоторому классу знаков = значение 'm' может выражаться (почти) при всех знаках данного класса.

Следует различать свободу сочетаемости, т.е. продуктивность, и объем сочетаемости, см. критерий **K4** ниже. Свобода сочетаемости значения 'm' предполагает возможность присоединения показателя этого значения к любому представителю того класса знаков **K**, к которому 'm' в принципе может применяться (при этом сам класс **K** не обязан быть многочисленным).

Контрпримеры.

Относительно нерегулярная граммема: множественное число в хауса, для выражения которого используется несколько десятков различных конкретных знаков – суффиксов, апофоний (значимых чередований) и комбинаций единиц этих типов¹⁰.

Полностью регулярные дериваты изобилуют в языках; много их и в русском.

⁹ Подкритерию композиционности (**K1a**) можно дать некоторую общесемiotическую интерпретацию. В работе [Dressler 1995 : 25–26] свойства языковых значений связываются с некоторыми фундаментальными семиотическими параметрами в языке – иконичностью, семиотической прозрачностью, тенденцией к бинарным оппозициям, экономией и др.; отмечается склонность словоизменения "к большей морфосемантической прозрачности по сравнению со словообразовательной морфологией". Под морфосемантической прозрачностью имеется в виду как раз "легкость отождествления семантического вклада каждой из составных частей целого в смысл этого целого".

¹⁰ Так, в словоформе хауса *dūwārwātsāj* 'камни' (при *dūtsè* 'камень') множественное число выражено трижды – апофонией *ū* ⇒ *īwā*, "последующей" редупликацией *īwā* ⇒ *īwārwa* и суффиксом *-ai* [Mel'čuk 1993: 267].

Пример: "неполная степень качества" ("аттенуатив") прилагательного, выражаемая суффиксами *-ovam/-evam*.

K2. Вхождение / невхождение в состав обязательной категории.

Словоизменительные значения имеют тенденцию объединяться в категории, обязательные для некоторых классов языковых знаков; словообразовательные значения в обязательные категории почти никогда не объединяются (см. ниже **Контр-примеры**).

О трудностях экспликации понятия **обязательная категория** было сказано выше, в разделе I. В данном случае нам приходится опираться исключительно на наше интуитивное представление об обязательности некоторой категории, которое, тем не менее, позволяет различать полярные случаи: явную обязательность и явную необязательность. Тогда наличие первого свойства у языкового значения **склоняет** (но не более того!) в пользу признания его граммемой, а наличие второго – в пользу признания его дериватемой.

Контрпримеры.

Примеры изолированных словоизменительных значений – квазиграммем, не входящих в обязательные категории, – были указаны выше в достаточном количестве (см. разделы I и III).

Думается, обязательность не является исключительной принадлежностью словоизменения. Рассуждая дедуктивно, вполне можно представить себе набор языковых значений, обязательно выражаемый при несамостоятельных основах некоторого ограниченного класса, причем по всем остальным критериям (или по их большинству) эти значения тяготеют к лексическому полюсу соответствующих шкал (или же они – вместе со средствами их выражения – сходны с явными дериватами соответствующего языка, ср. дополнительный критерий – метакритерий **МК1** ниже). Нам представляется, что нечто похожее наблюдается в случае пород арабского глагола (особенно вследствие некомпозиционности соединения значения корня со значением показателя породы, т.е. нарушения "подкритерия" (**K1a**) выше). Еще одну иллюстрацию предоставляют материалы венгерского и чувашского языков [Mel'čuk 1994: 331–332], в которых имеется ограниченный класс основ, непременно сопровождаемых суффиксом, маркирующим либо "не-каузативность", либо "каузативность" глагольной словоформы; ср. венг. *gur+ít* 'катать' ~ *gur+ul* 'кататься', *széd+ít* 'вызывать головокружение' ~ *széd+ül* 'чувствовать головокружение', *szak+ít* 'рвать' ~ *szak+ad* 'рваться'.

K3. Абстрактность / конкретность.

Словоизменительные значения тяготеют к большей абстрактности, словообразовательные – к большей конкретности.

Контрпримеры.

Граммемы с конкретным значением: "хрестоматийный" пример Э. Сепира из языка нутка – совокупность значений типового отклонения от нормы, обязательная при названии человека [Сепир 1993].

Дериваты с абстрактным значением. Вполне можно представить себе абстрактное значение множественности, по другим критериям тяготеющее к лексическому полюсу шкал. Из реальных примеров можно указать случаи "синтаксической деривации" (по Е. Куриловичу – [Курилович 1962]) – отглагольные существительные, отсубстантивные прилагательные и т.п., в которых словообразовательное значение обладает весьма высокой степенью абстрактности.

K4. Относительно широкая / относительно ограниченная сочетаемость.

Показатели словоизменительных значений сочетаются, как правило, с более обширными классами языковых знаков, чем показатели словообразовательных значений.

Контрпримеры.

Граммемы с ограниченной сочетаемостью. Если признать оппозиции форм личных местоимений в английском и французском языках (типа I ~ *me*, *he* ~ *him* и т.п.) падежными (как это нередко делается), то здесь мы имеем граммемы с крайне ограниченной сочетаемостью.

Дериватемы с относительно широкой сочетаемостью обильно представлены в языках, ср. в русском диминутив у существительных, аттенуатив у прилагательных (*бел-оват-ый*, *син-еват-ый* и т.п.), случаи синтаксической деривации – девербативы, деадъективы, десубстантивы и т.п.

К5. Большая / меньшая связь с синтаксисом.

Связь языкового значения с синтаксисом состоит в необходимости упоминания этого значения для формулировки того или иного синтаксического правила. Словоизменительные значения чаще упоминаются в синтаксических правилах, чем словообразовательные. Однако, с одной стороны, вполне можно представить себе семантически нагруженные граммемы, совершенно не упоминаемые ни в одном синтаксическом правиле (например, сугубо семантические граммемы времени глагола в языке, где отсутствуют согласование времен и какие-либо синтаксические ограничения на их употребление – хотя следует признать, что это весьма редкий случай); с другой стороны, дериватемы синтаксической деривации (отглагольные существительные и т.п.) иллюстрируют возможность прямой связи с синтаксисом для словообразовательных значений.

Критерий К5 охватывает четыре "синтаксических" критерия в [Plank 1991: 5–6]: (П6) реляционность / нереляционность ("Морфологическая категория реляционна, если она служит для соотношения синтаксических составляющих друг с другом или для соотношения пропозиционального содержания предложений с речевым актом"); (П7) согласование / отсутствие согласования с другими элементами; (П8) вхождение / невхождение в состав контролера согласования по данной категории; (П9) выбор по управлению / отсутствие выбора по управлению. Заметим, что и в рамках работы [Plank 1991] критерии (П7), (П8), (П9) – не более чем частные случаи критерия (П6), по существу совпадающего с нашим К5.

К6. Склонность к сохранению / изменению части речи исходного знака.

Присоединение словоизменительных показателей не меняет, как правило, часть речи исходного знака; присоединение словообразовательных показателей нередко меняет часть речи исходного знака.

Контрпримеры.

Граммемы, меняющие часть речи исходной основы, – 'причастие' и 'деепричастие', принадлежащие к глагольной словоизменительной категории "репрезентация", – производят своего рода мену части речи исходной основы – "глагол" – на "прилагательное" и "наречие", соответственно.

Случаи сохранения части речи при присоединении дериватемы многочисленны: в русском языке – все те же диминутивы существительного, аттенуативы прилагательного, разнообразны значения префиксов и т.п.

В связи с частеречной характеристикой исходного и производного знаков в работе [Plank 1991: 18–19], кроме нашего критерия К6 (критерий (П22) у Планка), даются еще два: (П23) присоединение к знакам, принадлежащим только к одной / более чем к одной части речи; (П24) принадлежность производных знаков только к одной / более чем к одной части речи.

К7. Меньшая / большая склонность к совмещению с лексическим значением.

Словоизменительные значения редко выражаются кумулятивно с лексическими значениями посредством одного и того же знака; словообразовательные значения чаще выражаются подобным образом.

Имеется в виду возможность супплетивного выражения грамматического значения. Супплетивизм в большей мере характерен для словообразования, чем для словоизменения; ср. *лев* – *львенок* vs. *собака* – *щенок*, *пять* – *пятый* vs. *один* – *первый*, *читать* – *читатель* vs. *ковать* – *кузнец* и т.п.

Контрпримеры.

Случаи супплетивного выражения граммем: супплетивные формы глаголов со значением 'быть' и 'иметь' или формы компаратива прилагательных со значением 'хороший' / 'плохой' в ряде европейских языков, ср. англ. 'быть' *be ~ am, is, are, was, were*; 'плохой' *bad ~ worse*; фр. 'иметь' *avoir ~ [tu] as, [ils] ont, eu*; 'хороший' *bon ~ mieux*; и т.п.

Вполне обычны дериватемы, никогда не выражаемые супплетивно, например, значения русских префиксов.

К8. Меньшая / большая склонность к фразеологизации.

Сочетания словообразовательных показателей с исходными знаками-ориентирами фразеологизуются чаще¹¹.

Контрпримеры.

Фразеологизация граммем: случаи типа отсубстантивных наречий *вечером, утром, кувычком*, англ. *glasses* 'очки' [при *glass* – 'стекло; стакан'], существующие наряду с нефразеологизованными формами.

Примеры дериватем, никогда не подверженных фразеологизации, многочисленны (в частности, случаи синтаксической деривации).

К9. Более / менее отдаленное линейное расположение показателей данного значения относительно корня.

Показатели словоизменительных значений тяготеют к более отдаленному линейному расположению относительно корня по сравнению с показателями словообразовательных значений¹².

Данный критерий достаточно успешно работает для европейских и многих других языковых групп, но вряд ли применим естественным образом, скажем, к материалу таких языковых семей, как семитская (с разрывным корнем).

Контрпримеры [Mel'čuk 1993: 296; Dressler 1995: 29]:

нем. *Kind+er+chen* 'дет+ишк+и' [виден обратный порядок следования показателей грамлемы и дериватемы в немецкой и эквивалентной русской словоформе];

венг. *kedves+ebb+en* букв. 'приятный+СРАВН+НАР', 'более приятным образом' [показатель словоизменительного значения – компаратива – ближе к корню, чем показатель дериватемы – адвербиальный суффикс];

русс. случаи типа [*Мне*] *работа+ет+ся* [*хорошо*], *как+ой-нибудь*, и т.п.

К10. Невозможность / возможность повторного вхождения значения в состав означаемого словоформы.

Следует проводить логическое различие между случаями неоднократного выражения одного и того же значения посредством нескольких знаков в составе словоформы (см. неоднократное выражение множественности в хауса – прим. 10) и случаями повторного вхождения некоторого значения в состав означаемого словоформы (составляющими содержание критерия К10). По-видимому, признак однократности /

¹¹ Даже в случаях типа *писать ~ писатель* можно усматривать слабую степень фразеологизации: *писать* – это не просто 'тот, кто пишет', а 'тот, кто пишет по профессии'.

¹² Подобно критерию композиционности (см. прим. 9 выше), критерий К9 – расположение относительно корня – тоже может быть связан с семантическими параметрами в языке – с иконичностью и индексальностью (и даже с психолингвистическими факторами), как это предполагается в [Dressler 1995: 28–29]. Согласно этой работе, линейная периферийность словоизменительных аффиксов обусловлена следующими факторами: 1) иерархией по шкале "конкретность / абстрактность", на которой корни наиболее конкретны, словообразовательные аффиксы занимают следующую позицию, а словоизменительные замыкают шкалу (ср. критерий К3 выше); 2) склонностью словоизменительных аффиксов к выполнению синтаксических функций ("периферийный аффикс легче доступен, чем непериферийный", выступая на конце словоформы; ср. критерий К5).

неоднократности выражения не может эффективно использоваться в качестве одного из критериев противопоставления словоизменительных и словообразовательных значений: случаи неоднократного выражения одного и того же значения в составе словоформы крайне редки, и, вероятно, словообразовательные значения едва ли не реже словоизменительных допускают неоднократное выражение. Во всяком случае, примером неоднократности выражения граммымы мы располагаем – это множественное число в хауса, но аналогичный пример для дериватем нам не известен.

Что же касается повторности вхождения значения в состав означаемого словоформы, то для дериватем это вполне допустимо, т.е. вполне возможно присоединение некоего словообразовательного значения к знаку-ориентире, уже выражающему это значение. Ср., например, значение префикса *пра-*, способного неограниченно повторяться в формах типа *прапра ... прадед*, или "синтаксическое" значение 'субстантив' деадъективного суффикса *-ость*, повторяемое в формах *целостность, злостность, гниlostность*. Другой типологически естественный класс примеров составляют случаи "нанизывания" каузативов (каузативы двойные, тройные и т.д. – [Mel'čuk 1994: 325–326]):

венг. *ég* 'гореть' ~ *ég+et* 'сжигать' ~ *ég+et+tet* 'заставлять сжигать'
тур. *уиу* 'спать' ~ *уиу+т* 'усыплять' ~ *уиу+т+dur* 'заставлять усыплять' ~ *уиу+т+dur+т* 'заставлять заставлять усыплять'
кашмири *сип* 'пить' ~ *саавун* 'поить' ~ *саавинаавун* 'заставлять поить'

В качестве контрпримера повторности для словоизменительного значения можно взять интересный (но типологически необычайно редкий) случай "эскимосских форм с двойным временем", описанный в статье [Вахтин 1994].

Один пример из работы [Вахтин 1994: 30]. Глагольная форма *к'ыпх'а-ма-н'ит-нак'-ун'а* 'к тому времени будет так, что я не работал' содержит два показателя времени: *-ма-* 'прошедшее' и *-нак'* 'близкое будущее' (*-н'ит-* 'отрицание', *-у-н'а* 'одиноличный глагол 1 л. ед. ч.'). Н.Б. Вахтин указывает, что в подобных случаях глагольная форма скрывает два предиката: один "вложенный" ('работать' в нашем примере) и второй "объемлющий" ('будет к некоторому времени'); он приводит примеры разных комбинаций времен, отмечая редкость соответствующих словоформ и трудность их интерпретации и перевода на русский язык у информантов.

От эскимосского типологического раритета отличается случай (тоже типологически весьма экстравагантный) "двух показателей числа в вепсских адъективных словоформах" [Иткин 1994: 38], в которых, как отмечает автор, морфы со значением числа "могут встречаться дважды – один раз как словообразовательные, а другой как словоизменительные". Например, прилагательное *madojkhijta* в словосочетании, означающем 'без червивых грибов' (МН-О множ. число основы: АД – адъективатор; МН – множ. число, согласовательное у прилагательного 'червивый' и 'смысловое' у существительного 'грибы'; АБЕСС. – абессив ['без']) –

<i>mado</i>	+	<i>j</i>	+	<i>khi</i>	+	<i>j</i>	+	<i>ta</i>		<i>babuko</i>	+	<i>j</i>	+	<i>ta</i>	–
червяк		МН-О		АД		МН		АБЕСС		гриб		МН		АБЕСС	

содержит после основы словообразовательный суффикс-плюрализатор *-j*, а после адъективатора – другой плюрализатор *-i* – чисто согласовательный словоизменительный суффикс.

К11. Меньшая / большая склонность к выражению посредством сильно автономных языковых знаков.

Под сильно автономным знаком (см. [Mel'čuk 1993: 170]) понимается такой знак, который может составлять отдельное полное высказывание [т.е. речевой отрезок, который естественно ограничен слева и справа отрезками молчания говорящего]. Примеры сильно автономных знаков: словоформы (*Ночь. Улица. Фонарь. Аптека*); словосочетания (*Итальянские каникулы; На отдыхе*). (Помимо сильной автономности, в [Mel'čuk 1993: 171] выделяется слабая автономность, характеризующая знаки, не

способные к употреблению в качестве отдельных высказываний, но обладающие известной долей самостоятельности – в отличие от аффиксальных элементов; к слабо автономным знакам относятся, например, предлоги, большинство частиц, всевозможные клитики, и т.п.)

Критерий **K11**, как представляется, не способен эффективно различать словоизменительные и словообразовательные значения, поскольку в их совокупной области случаи сильно автономного выражения крайне редки, а среди этих случаев нам не известны сильно автономные словообразовательные знаки. К сильно автономным словоизменительным знакам можно было бы отнести компоненты глагольных аналитических форм, скажем, русские формы *буду*, *будет* и т.д.; ср. диалог: *Ты будешь пить чай? – Буду*.

Критерий **K11** введен нами для отграничения целостной совокупности грамматических значений (включающей, в частности, словоизменительные и словообразовательные) от лексических значений. Относительно этих двух фундаментальных классов языковых значений верно, что первые крайне неохотно, а вторые в высшей степени охотно и естественно допускают сильно автономное выражение.

В дополнение к рассмотренным одиннадцати критериям можно привлекать еще два – своего рода метакритерии, когда тестирование значения по основным критериям приводит к состоянию "неустойчивого равновесия". Здесь мы лишь назовем эти дополнительные критерии, не давая им никаких комментариев:

МК1. Сходство с явными словоизменительными / явными словообразовательными значениями.

МК2. Меньшая / большая степень изменения содержания исходного понятия¹³.

2. Дополнительный перечень критериев

Представляется целесообразным перечислить те критерии противопоставления словоизменения и словообразования из работ [Plank 1991] и [Dressler 1989], которые были сочтены нами менее существенными, чем отраженные в предложенном выше перечне, и не были в него включены или упомянуты в комментариях. Таких маргинальных критериев оказалось 15. Три критерия В. Дресслера – (**D4**), (**D7**) и (**D13**) – автор настоящей работы уяснить не смог (возможно, из-за необычайной лаконичности формулировок и отсутствия примеров). Критерии Ф. Планка тестируются в его работе на восьми грамматических значениях английского языка (двух граммемах и шести дериватах): 3 л. ед. ч. у глагола, множ. число у существительного, инхоатив-каузатив у глагола (*blacken*), совокупность у существительного (*shrubbery*), процесс-результат у существительного (*utterance*, *appointment*), негатив у прилагательного (*unhappy*, *impractical*), состояние-положение у прилагательного или наречия (*afire*, *ahead*), диминутив у существительного (*duckling*, *booklet*). Планк скрупулезно отмечает все контрпримеры (как это сделано в нашем перечне). В кратких комментариях мы приводим соответствующий языковой материал. Отметим, что, хотя внешне формулировки Планка противопоставляют словоизменение и словообразование жестким и категоричным образом, это не более чем способ изложения ("Поскольку многие из этих противопоставлений скорее градуальны, чем безусловны, использование только двух значений соответствующих признаков является явным упрощением" – с. 22).

(**П2**), (**D1**): исходный и производный знак принадлежат к одной / к разным лексемам.

¹³ См. [Meř'uk 1993: 298], где данный метакритерий назван "глубинным семантическим свойством оппозиции "граммема ~ деривата".

С метакритерием **МК2** соотносится "критерий релевантности, или существенности" для значения основы дополнительного семантического понятия, выражаемого словоизменительным показателем [Bubee 1985: 12] (заимствовано из [Демьянков 1994: 91]).

Думается, применение данного критерия не вполне корректно, поскольку понятие лексемы имеет, по-видимому, более сложный концептуальный статус, нежели понятия словоизменительного и словообразовательного значений: лексема как раз и эксплицируется через словоизменительное значение.

(П5), (Д16): морфологическая категория входит / не входит в более или менее замкнутую парадигматическую систему.

(П10): невозможность / возможность замены производного знака (почти) во всех синтаксических контекстах морфологически более простыми знаками, не характеризующимися соответствующей морфологической категорией.

Скажем, английские глагольные словоформы *comes*, *saves* и т.п. или существительные во множ. числе – *persons* – обладают крайне низкой степенью заменимости посредством коррелятов *come*, *save* или *person* / *people*; в сфере словообразовательных значений подобные замены допустимы в большей степени, например: *It was unwise / silly to blacken / paint the white wall; The duckling / duck hid in the shrubbery / garden; The destruction / end of Troy was bloody; The oven was afire / hot.*

(П12): имеется / отсутствует алломорфия исходных основ, вызываемая соответствующей морфологической категорией.

(П13): в случае алломорфии исходных основ эта алломорфия относительно регулярна / идиосинкратична.

Возможно, два последних критерия соотносятся с нашим подкритерием стандартности выражения (К16).

К последнему критерию логически примыкает критерий "фонотактической прозрачности" В. Дресслера [Dressler 1987], который приводится здесь в формулировке из книги [Демьянков 1994: 91]:

"Формативы словоизменения обычно подчиняются более строгим фонотактическим условиям, чем формативы деривации".

(П15): невозможность / возможность выражения морфологической категории посредством синонимичных слов, в особенности синонимичных слов с той же основой¹⁴.

Ср. пары (квази)синонимичных дериватов в английском: *moisten* ~ *moistify*, *readership* ~ *readership*, *admission* ~ *admittance*, *impractical* ~ *unpractical*, *adangle* ~ *dangling*, *kitchenette* ~ *minikitchen*.

(П16): наличие омонимичных форм не препятствует / препятствует образованию производных знаков, выражающих соответствующую морфологическую категорию.

Например, для существования английских форм типа *knows* или *days* совершенно не существенно наличие омофонов *nose* или *daze* – в отличие от гипотетических дериватов ³*rattling* 'молодая крыса', ³*batling* 'молодая летучая мышь' (из-за *ing*-овых форм глаголов *rattle* и *battle*), ^{*}*a-mount* (из-за наличия глагола и существительного *amount*), ^{*}*a-go* (из-за послелога *ago*), ^{*}*a-rest* (из-за *arrest*).

(П17): возможность / невозможность кумулятивного выражения данной морфологической категории совместно с некоторой другой морфологической категорией.

Данный критерий является как бы зеркальной противоположностью нашего критерия К7 – совмещение с лексическим значением. В самом деле, словоизменительные значения вполне склонны к кумулятивному выражению в своей среде, но не совместно с лексическими значениями. Что касается словообразовательных значений,

¹⁴ Этому критерию Ф. Планка близок (возможно, тождествен?) критерий (Д5) в [Dressler 1989: 6]: отсутствие / наличие синонимичных морфем, выражающих данное значение. В. Дресслер приводит пример словообразовательной синонимии двух английских суффиксов – *-ness* и *-ity*.

то примеры их совместного кумулятивного выражения или совместного выражения со словоизменительными значениями крайне редки (если вообще существуют), а случаи их совмещения с лексическими значениями вполне возможны (словообразовательный супплетивизм, см. К7).

(П21): отсутствие / наличие производных знаков со связанными основами (т.е. основами, встречающимися только в составе производных знаков).

Ср. редкость и нетипичность в английском случаев соединения суффикса множ. числа со связанными основами (*odds, alms, earnings, antipodes*) и гораздо большую распространенность соединения словообразовательных суффиксов с такими основами: *hasten, episcopate, ambition, unruly, inept, illicit, aware, agog, hamlet*.

(П26): относительное сходство / несходство линейного расположения и сегментной, супraseгментной, слоговой и морфемной структуры показателей морфологической категории с соответствующими чертами показателей категорий, имеющих общие с исходной свойства.

Так, очевидно сходство показателей английских глагольных форм 3 лица ед. числа и форм существительных множ. числа. Что касается показателей английских дериватов, здесь наблюдается большее разнообразие; скажем, инхоатив-каузатив может выражаться префиксами *en-/be-* или суффиксами *-en/-(i)fy/-(i)l-ize*, негатив – префиксами *un-/in-/non-...* или суффиксом *-less*, диминутив – префиксами *mini-/micro-* или суффиксами *-ling/-(e)rell/-ette/-let*, и т.п.

(П27): несходство / сходство показателей морфологической категории со свободными морфемами по их внутренней структуре.

Некоторые показатели английских дериватов внешне выглядят как настоящие словоформы: *-ize, -(i)fy; -hood, -ship; -(a)tion; in-, un-, non-, dis-; ling-, mini-*.

(П28): относительно частая / относительно редкая встречаемость данной морфологической категории в других языках.

Здесь мы имеем дело с межъязыковым, пожалуй, наиболее уязвимым, критерием. С ним соотносятся следующий критерий В. Дресслера:

(Д6): инвентарь категорий словообразовательной морфологии, представленный в естественных языках, гораздо многочисленнее и разнообразнее инвентаря словоизменительной морфологии.

(Д17): значительно большая легкость выравнивания по аналогии у словоизменительных показателей по сравнению со словообразовательными.

Пример из латыни: форма номинатива ед. числа *honos* перешла в *honor* 'почет, честь' – в соответствии с остальной частью парадигмы (аккузатив *honorem* и т.п.), тогда как адъективный дериват *honestus* 'честный' сохранил */s/*.

(Д18): меньшая / большая вероятность хранения в памяти как единого целого для словоизменительных форм / для дериватов.

Теперь мы можем, наконец, привести формулировки, эксплицирующие содержание интересующих нас понятий в духе избранной стратегии.

Словоизменительное значение – это значение, входящее в состав некоторой словоизменительной категории [обязательной для знаков некоторого класса] или в достаточной степени удовлетворяющее "левым" свойствам, упоминаемым в эвристических критериях противопоставления грамматического и лексического в языке.

Граммема – это словоизменительное значение, входящее в состав некоторой словоизменительной категории.

Квазиграммема – это словоизменительное значение, не входящее в состав никакой словоизменительной категории.

Словообразовательное значение $\leq$ дериватема – это значение, в достаточной степени удовлетворяющее "правым" свойствам, упоминаемым в эвристических критериях противопоставления грамматического и лексического в языке.

Подчеркнем, что мы ни в коей мере не считаем предложенные формулировки полноценными определениями: они призваны лишь прояснять суть нашей стратегии.

В. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируем основное содержание работы в виде двух тезисов.

1. Следующие два свойства языковых значений являются логически независимыми: "быть обязательным [для некоторого класса знаков]" и "быть словоизменительным". Относительно двух оппозиций – "обязательность / необязательность" и "словоизменительное / словообразовательное" – возможны все четыре комбинации свойств, проявляющиеся в знаках тех или иных языков:

- обязательные словоизменительные значения: классические, массовые словоизменительные значения;
- необязательные словоизменительные значения: квазиграммемы (не входящие в обязательные категории словоизменительные значения – типа значения коллективной множественности в китайском или множественного числа в тюркских языках; другие примеры – в разделе II выше);
- обязательные словообразовательные значения: спорный, но, по-видимому, возможный случай, под который можно подвести такие примеры, как арабские породы или связанные основы, непременно сопровождаемые словообразовательным аффиксом (см. комментарии к критерию **K2** в разделе IV);
- необязательные словообразовательные значения: классические, массовые словообразовательные значения.

2. Противопоставление словоизменения и словообразования градуально (как большинство оппозиций, релевантных для естественного языка). Экспликация данного противопоставления должна быть многофакторной, что отражено в приведенном в разделе IV наборе эвристических критериев, ни один из которых не характерен только для словоизменительных или только для словообразовательных значений. Все вместе они образуют многоаспектную шкалу с двумя полюсами (или, если угодно, набор шкал), на которой языковые значения располагаются в соответствии с их характеристикой по всем критериям: они могут "прочно" находиться на каком-либо полюсе, могут тяготеть к одному из них, а могут примыкать и к середине шкалы (возможно, так обстоит дело с русским видом). По-видимому, разные критерии имеют разный "концептуальный вес", что также необходимо учитывать при установлении статуса того или иного значения.

Предложенная стратегия отвечает фундаментальному свойству языковых единиц – их градуальности, отсутствию в языке жестких и однозначных границ ("hard and fast lines").

* * *

Автор выражает глубокую благодарность А.Е. Кибрику за очень важные замечания к первоначальному варианту данной работы, способствовавшие ее существенной доработке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахманова О.С., Мельчук И.А., Падучева Е.В., Фрумкина Р.М. 1961 – О точных методах исследования языка. М., 1961.
- Булатова А.Н. 1995 – Основные понятия морфологии // Русский язык (еженедельное приложение к газете "Первое сентября"). 1995. Сентябрь. № 10.

- Булыгина Т.В. 1968 – Грамматические оппозиции // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
- Булыгина Т.В. 1980 – Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
- Вахтин Н.Б. 1994 – Словоизменительная морфема и грамматическая категория: эскимосские формы с двойным временем // ИАН СЛЯ. 1994. Т. 53. № 3.
- Гузев В.Г. 1987 – Очерки по теории тюркского словоизменения: имя (на материале староанатолийско-тюркского языка). Л., 1987.
- Гузев В.Г., Насилов Д.М. 1975 – К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках // ВЯ. 1975. № 3.
- Гузев В.Г., Насилов Д.М. 1981 – Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие "грамматическая категория" // Советская тюркология. 1981. № 3.
- Гухман М.М. 1968 – Грамматическая категория и структура парадигм // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
- Демьянков В.З. 1994 – Морфологическая интерпретация текста и ее моделирование. М., 1994.
- Есперсен О. 1958 – Философия грамматики. М., 1958.
- Зализняк А.А. 1967 – Русское именное словоизменение. М., 1967.
- Зализняк А.А. 1977 – Грамматический словарь русского языка. М., 1977.
- Исаченко А.В. 1954 – Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. 1. Братислава, 1954.
- Иткин И.Б. 1994 – Два показателя числа в вепсских адъективных словоформах // ИАН СЛЯ. 1994. Т. 53. № 3.
- Канциано Ж.П. 1994 – Сигнификативные оппозиции // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
- Касевич В.Б. 1977 – Элементы общей лингвистики. М., 1977.
- Касевич В.Б. 1988 – Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
- Кацнельсон С.Д. 1972 – Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Коротков Н.Н. 1968 – Основные особенности морфологического строя китайского языка. М., 1968.
- Коротков Н.Н., Пандилов В.З. 1965 – О типологии грамматических категорий // ВЯ. 1965. № 1.
- Курилович Е. 1962 – Деривация лексическая и деривация синтаксическая. К теории частей речи // Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962.
- Маслова Е.С. 1994 – О критерии обязательности в морфологии // ИАН СЛЯ. 1994. Т. 53. № 3.
- Мельчук И.А. 1974 – Опыт теории лингвистических моделей "Смысл (=) Текст". Семантика, синтаксис. М., 1974.
- Мельчук И.А. 1996 – Курс общей морфологии. Т. 1. Введение и Часть первая: Слово. М., 1996 (перевод с французского; в печати).
- Муравьева И.А. 1994 – Локативные серии: словоизменение или словообразование // ИАН СЛЯ. 1994. Т. 53. № 3.
- Общее языкознание 1972 – Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
- Панов М.В. 1967 – Русская фонетика. М., 1967.
- Пеньковский А.Б. 1977 – Об особенностях значения и употребления форм сравнительной степени в русском языке // Семасиология и грамматика. Тамбов, 1977.
- Перцов Н.В. 1991 – О грамматическом и обязательном в языке // Типология грамматических категорий. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. Л., 1991.
- Перцов Н.В. 1996 – Элемент ка- в русском языке: словоформа или аффикс? // Русистика. Славистика. Индоевропеистика (К 60-летию А.А. Зализняка). М., 1996.
- Плунгян В.А. 1988 – О некоторых свойствах грамматических оппозиций // "Научно-техническая информация". Сер. 2. 1988. № 10.
- Плунгян В.А. 1992 – Глагол в агглютинативном языке (на материале догон). М., 1992.
- Плунгян В.А. 1994а – Грамматичность и отношения между морфемами (к вопросу о "групповой флексии") // ИАН СЛЯ. 1994. Т. 53. № 3.
- Плунгян В.А. 1994б – К проблеме морфологического нуля // Знак. Сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике (памяти А.Н. Журина). М., 1994.
- Поливанова А.К. 1983 – Выбор числовых форм существительных в русском языке // Проблемы структурной лингвистики 1981. М., 1983.
- Поливанова А.К. 1985 – Выбор видовых форм глагола в русском языке // Russian Linguistics. 1985. V. 9.
- Поливанова А.К. 1990 – Опыт построения грамматической классификации русских лексем // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка (Сборник статей к 60-летию профессора В.А. Успенского). М., 1990.
- Ревзина О.Г. 1973 – Общая теория грамматических категорий // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973.

- Соанцев В.М., Вардуль И.Ф., Алпатов В.М., Бертельс А.Е., Коротков Н.Н., Санжеев Г.Д., Шарбатов Г.Ш. 1979 – О значении изучения восточных языков для развития общего языкознания // ВЯ. 1979. № 1.
- Сепир Э. 1993 – Аномальные речевые приемы в нутка // Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Сумбатова Н.Р. 1994 – Грамматикализация глагольного синтаксиса // Автореф. дис... филол. наук. М., 1994.
- Уорф Б.Л. 1972 – Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
- Шайкевич А.Я. 1995 – Введение в лингвистику: Учебное пособие. М., 1995.
- Яхонтов С.Е. 1965 – О морфологической классификации языков // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.; Л., 1965.
- Boas F. 1938 – Language // General Anthropology. Boston. 1938.
- Bybee J.L. 1985 – Morphology: a study of the relation between meaning and form. Amsterdam; Philadelphia. 1985.
- Dressler W.U. 1987 – Word-formation (WF) as part of natural morphology // Leitmotifs in natural morphology. Amsterdam; Philadelphia. 1987.
- Dressler W.U. 1989 - Prototypical differences between inflection and derivation // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. T. 42. № 1.
- Dressler W.U. 1995 – Interactions between iconicity and other semiotic parameters in language // R. Simone (ed.). Iconicity in language. V. 110 of the series "Current issues in linguistic theory". Amsterdam/Philadelphia. 1995.
- Householder F.W. 1955 – Language. XXXI. 1955. № 1. Pt. 1 – Rec.: P. Forchheimer. The category of person in language.
- Jakobson R. 1959 - Boas' views on grammatical meaning // The anthropology of Franz Boas: Essays on the Centennial of his birth (Memoir LXXX). Menasha, 1959.
- Maspero H. 1934 – La langue chinoise // Conférence de l'Institut de linguistique de l'Université de Paris. Année 1933. Paris, 1934.
- Mel'čuk I.A. 1988 – Toward a definition of case // Case in slavic. Columbus (Ohio). 1988.
- Mel'čuk I.A. 1993 – Cours de morphologie générale. V. 1. Introduction et Première partie: Le mot. Montréal; Paris, 1993.
- Mel'čuk I.A. 1994 – Cours de morphologie générale. V. 2. Deuxième partie: Significations morphologiques. Montréal; Paris, 1993.
- Mel'čuk I.A. 1996 – Cours de morphologie générale. V. 3. Troisième partie: Moyens morphologiques; Quatrième partie: Syntactiques morphologiques. Montréal; Paris, 1996.
- Plank F. 1991 - Inflection and derivation // Eurotyp Working papers. Theme 7: Noun phrase structure. Working Paper. № 10. March 1991.